

Евгений Пекки

**НЕВЫДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ ОТ ЖОРЫ
ПЕНКИНА**

книга 1.
Криминал

Евгений Пекки

**Невыдуманные истории от Жоры
Пенкина. Книга 1. Криминал**

«Издательские решения»

Пекки Е. А.

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина. Книга 1. Криминал /
Е. А. Пекки — «Издательские решения»,

...По городу поползли слухи о маньяке, который нападает на женщин, насилует их, а потом убивает и отрезает уши на память.....Выходной начальнику РОВД придется провести в поселке, где взломан магазин и совершена крупная кража....Автомобиль сбил женщину насмерть и скрылся. Сотрудники ДПС принимают меры к его розыску. Возможно, виновный — это жених, который сидит за свадебным столом. Чем же закончатся все эти истории? Книга будет интересна молодежи, любителям детективного жанра и специалистам

© Пекки Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Знакомьтесь, Жора Пенкин	7
Охота на маньяка	10
Выстрел в упор	19
Убийство посреди бела дня	19
Расследование начинается	22
Кто же главный?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Невыдуманные истории от Жоры Пенкина

Книга 1. Криминал

Евгений Пекки

© Евгений Пекки, 2016

© Михаил Кравченко, иллюстрации, 2016

Редактор: член Союза журналистов России Рита Прохоровская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знакомьтесь, Жора Пенкин (Вместо пролога)

Жору Пенкина я знаю уже больше двадцати лет и всё время использую любую возможность увидеться и пообщаться с ним.

Судьба нас свела случайно.

Мы охотились на уток с приятелем в камышовых зарослях, покрывавших зеленым ковром мелкие заливчики в окрестностях деревеньки Ялгубы, что в сорока километрах от Петрозаводска. Когда-то мы с ним давно облюбовали это место: и ехать вроде недалеко, и без дичи домой мы не приезжали.

День выдался удачный – последняя суббота августа. Птицы было вдосталь, стало быть, ее еще не всю успели выбить до начала открытия охоты.

У нас с Юрой было к вечеру добыто по паре крякв, да еще у него пара чирков, а у меня гоголь и шилохвость. Не стыдно и домой возвращаться.

Дело было уже к позднему вечеру. Возле палатки горел наш костерок, в котелке весело булькал супешник из белых грибов, которые пришлось вырвать на полянке (ну, ведь не ставить же палатку на грибы). Боровички оказались вполне товарного вида, червями пока не облюбованными, и вечером пошли в дело.

Кстати, по поводу грибных червей наши мнения с Юрой расходились. Я приверженец только тех грибов, которые от этой твари полностью свободны. В то время как Доктор (так звали моего приятеля в кругу друзей, на рыбалке и охоте), уроженец Подмосковья, считал, что практически каждый гриб, за исключением поганок, в пищу годится. В конце концов, если вид его в тарелке не нравится, так ведь можно и ложкой в сторону откинуть. Полагаю, что это его убеждение было связано с отсутствием изобилия этих дикорастущих в лесах, которые он посещал в детстве. Впрочем, знакомство с таким неразборчивым грибником имело и свои положительные последствия. Так, скажем, опять научил меня собирать именно Доктор. До знакомства с ним я их от поганок не отличал и не очень переживал по этому поводу. Теперь же я полагаю, что это универсальный гриб, который на всё годится.

Развалясь на густой траве рядом с костром, освободившись от бродней и охотничьей амуниции, лежал я, закинув руки за голову, и смотрел в карельское облачное небо. Мне нравилось это нетяжкое занятие – разглядывать луну, ныряющую временами в пробегающие облака.

– Однако ветер завтра будет, – глубокомысленно заметил Доктор, подкидывая веточки в костер.

Я не успел отреагировать на его прогноз. Затрещали прибрежные кусты ивняка, и на полянку к нам вывалились двое в охотничьей обмундировке и с ружьями за спиной.

– Вечер добрый, – нейтрально-вежливо поздоровался первый, невысокого роста, с короткой бородкой и с пятизарядкой за спиной.

Я привстал, чтобы разглядеть его при свете пляшущего пламени костра.

– Здравствуйте, – поприветствовал нас второй, подходя ближе к костру.

– И вам не хворать, – отозвался Доктор.

– Привет, – буркнул я, не зная еще, что ожидать от этой встречи.

– Хворать не хотелось бы, – делая еще шаг навстречу огню, произнес второй, что был повыше и постройнее.

Тут я увидел, что он был мокрым до середины груди и его пятнистый костюм местами был облеплен тиной.

– Если позволите, – продолжил он, – я хотел бы немного обсушиться. Уже холодает, а до посёлка километров пять еще по темноте шлёпать.

Действительно, по прогнозу намечалось снижение температуры.

– Мы можем, конечно, и сами костер где-нибудь развести, да темно уже без фонаря в лесу лазить, – промолвил первый.

– Господь с вами, – отозвался Доктор, места здесь хватает. Да и горяченького отведайте, весь день, поди, на бутербродах.

– Так оно и есть. Ну, коли мы не в тягость будем, разрешите представиться: Георгий Пенкин, – он протянул руку Доктору.

– Юрий Филатов.

– Олег Харламов, – назвал себя охотник с пятизарядкой.

И тут я, поняв, почему голос его мне сразу показался знакомым, с укоризной произнес: – Старых друзей не узнаешь, Харлам.

– Костя! Кирсанов! Ты что ли? Блин! В темноте не признал.

– Так ведь и я тебя тоже. Вон ты при бороде, какой важный стал. К огню садись поближе, дай тебя разглядеть.

– Это Георгий пусть к огню поближе садится, – кивнул он на попутчика. Тот уже совсем растелешился и выжимал свои шмотки, повернувшись спиной к огню.

– Мокрое на себя не надевай, – распорядился Доктор. – У тебя запасное белье есть?

Я выделил новому знакомому спортивки, а Доктор тельняшку. Мокрую одежду развешили по сучьям кустарника, и Георгий подсел ближе к огню.

– Как тебя угораздило?

– Как это обычно бывает? Полез крякву битую доставать. Смеркалось уже. Только взять ее в руки хотел, а она вдруг задергалась и метра на три отплыла. Я сгоряча за ней и в яму ухнул.

– Птицу-то достал?

– Конечно, грех было бы бросить ее. Вон в рюкзаке лежит.

– Тогда, «С полем Вас, Ваше благородие», – улыбнувшись, поздравил его Доктор.

– А вас, охотнички, с водкой, – отозвался Георгий.

Он полез в рюкзак и достал оттуда бутылку водки и шматок сала, отбросив размокшую напроць половинку буханки хлеба.

– Молодца! Обычай знаешь, – оценил Доктор.

И начался у нас немудрящий разговор у охотничьего костра, под стопочку водки, под горячий супчик, под ароматный чай – не из пакетика, а заваренный в прокопченном чайнике.

За что я люблю охоту и рыбалку, это вот за такие минуты общения. Ведь если разобратся, рыбу или, скажем, курицу, даже утку или гуся, можно и на рынке купить. Это даже дешевле обойдется. А вот такого общения, таких рассказов у костра, таких моментов истины, которые порой в ходе этого общения возникают, не получишь больше нигде.

Вдруг что-то стало всплывать в моей памяти, чем больше я глядел на Георгия и слушал его рассказы.

– Да что же ты сделал, «жабий хвост»! – произнес он в сердцах, когда Харлам полез за колбасой и опрокинул его кружку с чаем.

У меня как будто вспыхнуло что-то в голове. Я узнал его.

– А вы в Костомукше лет пятнадцать назад не работали? – спросил я Георгия, вглядываясь в темноту.

– Было дело, – обернулся он ко мне. – Мы что, встречались?

– А помнишь, как Митрофанова брали, женщину он на КРАЗе сбил? И фамилия твоя Пенкин.

– Точно все.

– Да ты не тот ли журналист московский?

– Он и есть. Но в Москве я учился, а работаю вот в Карелии.

Так завязалось это знакомство, которое длилось годами, иногда с перерывами, но не по нашей вине. Все мы за двадцать лет постарели, вот только Доктора, который спас жизнь сотням людей, а был он классным хирургом, в прошлом году Бог прибрал. В свое время мы сдружились с ним, когда он сделал мне операцию, по поводу аппендицита с гнойным перитонитом, а позднее он спас и Жору, удалив ему желчный пузырь, набитый камнями, как мешок геолога образцами разных пород. Все мы по жизни очень сблизились и многие праздники отмечали вместе.

Жора оказался удивительно интересным человеком. Сначала, еще тогда, после первой совместной охоты, когда мы с Доктором узнали, что он работает в милиции, это несколько сдерживало наши отношения.

Дело житейское, но скажите, кто из нас не сталкивался с людьми в серой милицейской форме, которые составили о себе отвратное впечатление? Волей-неволей негативный образ мента, хама и вымогателя поборов, который с началом горбачевской перестройки благодаря журналистской братии всё больше в народе приобретал искривленный оттенок, стал невольно распространяться вообще на всю эту контору. Однако вскоре мы поняли, что Жора Пенкин «мент правильный». К людям зря не цепляется, если к нему обратились – вопросы решает и может разрулить весьма сложную ситуацию. В то же время хулиганью, мелкому ворью и другой криминальной нечисти он спуска не дает. В мздоимстве он также замечен не был. Когда мы с ним познакомились, был он участковым оперуполномоченным в чине старшего лейтенанта милиции. Среди людей, с которыми он по жизни пересекался, я не помню ни одного человека, который бы о нем отозвался отрицательно, даже из тех, кто получил благодаря ему свой срок или угодил в ЛТП.

Людей таких в жизни я встречал немного. Однако влекло друзей к нему не только его обостренное чувство справедливости. С ним было интересно общаться. Жора был очень начитанным человеком, что, согласитесь, в милицейской среде большая редкость. Он писал неплохие стихи, тренькал на гитаре, мог сбазать на рояле «Мурку» или «Цыганочку», исполняя их при этом зычным голосом. А еще он умел слушать людей. Может быть, это было связано с его профессией, но скорее всего просто он был так воспитан. Все его байки я услышал только потому, что у костра иной раз возникала тема, которую он мог прокомментировать, приведя какой-либо пример из собственной жизни. А еще он был умелым рассказчиком и некоторые эпизоды собственной жизни мог подать так, что иногда слушатели улыбались, иногда покатывались со смеху, а иногда скрипели зубами от злости. Случаи из рассказов, им от кого-то слышанных, он не любил упоминать или на них ссылаться. Частенько он заходил ко мне домой, благо жил я недалеко от его места работы. Я заваривал цейлонский чай, и он с удовольствием его выпивал, потихоньку прихлебывая из кружки. Чай он любил пить очень горячий. Как он говорил, «чтоб во рту кипятки булькал», подтрунивая надо мной, поскольку мне приходилось ждать минут десять, пока чай остынет. Впрочем, о вкусах не спорят.

Сейчас подполковник Пенкин на пенсии и живет на другом конце города от меня. Встречаемся мы редко. Впрочем, когда я лежал в больнице после инфаркта, навестить меня он пришел.

Я у него тогда и попросил разрешения написать о некоторых эпизодах из его жизни, которые я еще помнил. Ведь они были из милицейской жизни и того времени, когда перестройка в СССР только начиналась. Еще через пару-тройку лет российские люди уже и помнить не будут, что когда-то милиция была, а не полиция. Криминал в начале девяностых только еще начинал поднимать голову, а организованная преступность и коррупция были в стадии зарождения.

Он разрешил. Так и родились эти рассказы.

Охота на маньяка

Довелось Георгию Пенкину в пору начала горбачевской перестройки поработать в одном небольшом городке Карелии. Служил он там некоторое время участковым уполномоченным вместо ушедшего на пенсию майора Анхимова.

«Служба шла нормально, – вспоминал он. – Успевали мы и преступления раскрывать, благо их немного было, и на стрельбы ездить, и физподготовкой заниматься. Мы даже помогали совхозу «Светлый путь» картошку убирать, чтобы она в полях не сгнила, что, впрочем, не мешало ей гнить потом в овощехранилище. Так что после новогодних праздников во всех районах обычным делом была переборка гнилых овощей, в которой участвовали все, начиная от воспитателей детсадов и кончая милиционерами. Все бы было ничего, но, честно говоря, скучновато. Что ни заявление, то все ерунда какая-нибудь, которая фактически не стоила выеденного яйца.

На улицах провинциального города стояла тишина. Сыпал легкими хлопьями новогодний снежок, легкий ветер качал фонари на старых деревянных столбах вокруг рыночной площади. Редкие прохожие пробирались по узким тропкам, проложенным в снегу занесенных за ночь тротуаров.

Вот тут темным январским утром и поступил вызов в дежурную часть. Сбивчивый голос просил кого-нибудь из милиции приехать, поскольку в квартире обнаружен труп женщины, при этом у трупа отрезаны уши.

Надо ли говорить, что следственно-оперативная группа была на месте минут через пятнадцать, то есть уже через пять минут после меня с оперуполномоченным уголовного розыска Ванькиным.

Картина в квартире, находившейся в старом деревянном бараке на отшибе, была типичная для жителей тех мест, которые жили на невеликие доходы, слегка злоупотребляя алкоголем. В квартире стоял стойкий запах от сохнувших сапог, окурков сигарет, сдобренный духом недоеденного лука, покрывавшим ржавую селедку и давно не стираного белья. Скучную

домашнюю обстановку однокомнатной квартиры составляла обшарпанная мебель, купленная лет тридцать назад. Небогатая одежда в раскрытом шкафу была частично сброшена с вешалок и белье на полках перевернуто. Этот интерьер довершала картина не для слабонервных. Труп хозяйки квартиры Кругловой Нины Михайловны, которая была полностью обнажена, находился в центре скомканной постели. Руки и ноги ее мертвого тела были раскинуты в стороны, как у Андрея Первозванного после распятия. Шея была сине-зеленого цвета. Оба ее уха были наполовину отрезаны, а подушка выпачкана кровью.

Вся эта картина, не для слабонервных, говорила о том, что хозяйка скорее всего стала жертвой сексуального маньяка с садистскими наклонностями, который после содеянного и ограбил квартиру.

Трупов за свою милицейскую жизнь мы с опером Ванькиным не один десяток повидали. Были среди них лица обоего пола, которых отправляли на тот свет при помощи ножа, топора или веревки. Были и добровольно расставшиеся с жизнью. Бывали, как и в данном случае, покойники без одежды, чаще всего утопленники, однако труп с отрезанными ушами встретился нам впервые. Что-то, мне помнится, даже в книге Торвальдса «100 лет криминалистики» такой случай не описан. Мы с Ванькиным переглянулись.

– Кажется, Лунный Дрочила в разнос пошел, – пробормотал капитан Ванькин, – не думал я, что у него до смертоубийства дойдет.

– Может, он не хотел, а это случайно вышло, когда он в экстазе себя не помнил.

– Да, нам ведь от этого не легче. А жертву свою он, похоже, удавил чем-то мягким, вон шея вся сине-фиолетовая, а странгуляционной борозды нет.

– В прокуратуру сообщили?

– Да скоро приедут.

Работа милиции шла своим чередом. Подъехал будучи ответственным по райотделу на происшествие с трупом начальник КМ майор Васильев. Следственная группа между тем начала «отрабатывать поляну». Следователь Марина Воронова, сидя в машине дежурной части, уже составляла список свидетелей. Два молодых лейтенанта из уголовки бегали по соседям, выясняя, кто и что видел, криминалист уже изъясил бутылки, стаканы, снял отпечатки пальцев и теперь щелкал фотоаппаратом, делая снимки для фототаблиц.

В это время в квартиру ворвалась молодая женщина и начала визжать, бросаясь на криминалиста Лешу, стараясь вцепиться ему в лицо наманикюренными ногтями и пытаясь отобрать у него фотоаппарат.

– Скоты! Прекратите немедленно ее фотографировать. Мать жизни лишили, а вы не преступников ищите, а цирк из несчастья устраиваете. Совести у вас нет, хоть бы прикрыли ее чем-нибудь.

– Ну-ка выйдите отсюда и не мешайте работать, – рявкнул на нее Ванькин, опер крутого нрава, прошедший службу в Афгане, – обстановку снимают ненарушенной.

Он схватил женщину за руку, положив тем самым конец нападкам на криминалиста, и вытащил на улицу, несмотря на ее активное сопротивление.

– Кто вы такая? Почему мешаете работать следствию?

– Я ее дочь, в столовой работаю, меня Светой зовут. Света Комарова я, мы живем на Путейской, 10 вместе с мужем.

– Очень хорошо, а что вы вчера делали вечером? Случайно не у мамы в гостях были? – спросил я.

– Да вы что! – закричала она на меня. – Как вы смеете? Я жаловаться буду.

– Кто тут хочет на милицию жаловаться? – подошел помощник прокурора, который дежурил в тот день. – Если по-серьезному, то ко мне милости прошу. Кстати, в прокуратуре у меня 7 кабинет, – повернулся он к Свете. Затем защитник Закона обратился к нам:

– Что тут стряслось? Кто доложить может?

Капитан милиции Ванькин начал излагать суть дела.

– Вы сами-то сходите, поглядите, – попытался я инициировать действия прокурорского. Не тут-то было.

– Судебного медика вызывали? – не делая попытки двинуться с места, задал он вопрос.

– Да еще сейчас там работает.

– Не люблю я покойников, – зябко передернул узкими плечиками Андрей Васильевич.

Из дома вышел врач-патологоанатом Ефим Хейфец.

– Фима, – поздоровался я с ним, – шалом, давно не виделись.

– Да, Анатолий, давненько, да и лучше бы не в связи со службой.

– Что скажешь?

– Покойница употребляла спиртное в большом количестве, смерть ее наступила около восьми часов назад, то есть примерно в начале первого. Имел место половой контакт. Точнее результат получите после вскрытия.

– Ее удавили?

– Трудно сказать. Позвонки похоже целые, хотя цвет кожи на шее странный.

– А уши чем резали, бритвой?

– Нет, чем-то не очень острым. Скорее кромсали, а не резали.

– Что, Андрей Васильевич, возбуждаться будете и к производству принимать? – спросил Фима покуривавшего рядом прокурорского работника.

– Штас, – захохотал тот, – сначала вы поработайте как следует, результаты вскрытия готовы будут, а вот тогда посмотрим. Время не теряйте, а то доказательства могут быть утрачены. Раскрывать, милые вы мои, «по горячим следам» нужно.

Подошел ко мне сержант из ППС:

– Георгий Петрович, начальник на пятнадцать часов совещание у себя собирает по этому происшествию, по рации только что передали.

В пятнадцать часов в кабинете начальника собралось восемь человек.

– Кто будет докладывать? Пенкин, может, ты?

– Нет, у нас готов капитан Ванькин, – заметил замнач по КМ Васильев.

Тот прошел к открытой карте города и, взяв указку, начал сообщение.

– Версий у нас несколько. Первая и основная – это дело рук «Лунного Дрочилы».

– Это что за чудо такое?

– Уже полгода назад завелся в городе один тип, который выслеживает женщин, выбирая вечером одиноко идущих. Он неожиданно выходит навстречу с расстегнутыми штанами и демонстрирует им свой половой орган. Потом так же неожиданно исчезает. Один раз только женщин было двое.

– Вот так новость. А я почему об этом впервые слышу? В журнал происшествий эти факты заносили?

– Нет, – отозвался я за него. – Так ведь кроме демонстрации своего мужского достоинства он не принимал никаких действий к насилию. Все это мы пока расценивали как мелкое хулиганство. Из-за этого стоило ли вас беспокоить?

– Ну, вот и дождались. Васильев, – начальник строго посмотрел в сторону своего заместителя, – будешь наказан за припрятывание информации. Сколько таких эпизодов было?

– Шесть.

– А описание? Фоторобот? Где всё?

– Сведения от заявительниц поступали скудные. Злодея все описывали по-разному. Возраст давали от восемнадцати до двадцати пяти лет, рост около метра восьмидесяти. Всегда был в черной куртке и черной вязаной шапке, которую надвигал на глаза, поэтому цвета волос и глаз они не запомнили. Опять же сумерки.

– А как же они сумели разглядеть его хозяйство?

– А он всегда под фонарем выходил. То в парке появится, то возле вокзала, то во дворе, только становился все более нахальным.

– Пытался на кого-нибудь напасть или схватить?

– Нет. С каждым разом сокращал расстояние до своей жертвы и иногда онанировал. Одна заявительница, когда мы предложили описать этого обормота, назвав его «юный дрочила», нас поправила «Вы знаете, он скорее „Лунный“».

Лицо ее приняло мечтательное выражение. Она уточнила: «Я так и вспоминаю его, как он стоял в ореоле лунного сияния с обнаженной мужской принадлежностью в напряженном состоянии. Потом я закричала, а он убежал».

– Вы анализировали? – спросил у нас начальник, – это как-то связано с полнолунием? Может, он страдает лунатизмом? Может, он лунатик и не помнит утром, что ночью творил?

– Нет. Луна ему нужна была только как источник света. Судя по поведению, он именно хотел, чтобы определенные места у него разглядели как следует. Только два раза его выходы совпадали с полнолунием. Вот тогда он и выбирал место рядом с уличным фонарем, в остальных случаях он использовал подъезды домов.

– Хватит лирики. Что делать думаете?

– Можно попробовать засады устроить.

– В пустынном месте он не выходит, реагирует, сами сказали, на одиноких женщин. Получается: нет потенциальной жертвы – он не выйдет. Даже если навстречу попадет, ничего ему не предъявишь, а уговорить кого-нибудь из молодых женщин погулять поздно в безлюдном месте не так-то просто.

В это время в дверь постучали. Это был оперуполномоченный Петраков по кличке Старый. На самом деле ему было сорок четыре года, но был он уже наполовину сед, однако носил погоны старшего лейтенанта милиции. Его за последние семь лет уже неоднократно представляли к званию «капитан», но всегда что-то мешало: то выговор объявят, то он начальству нагрубит.

– Разрешите? – сел он на крайний стул.

– Опаздываешь, капитан. Как думаешь этого лунатика искать? На твоей земле он труп заломил.

– Подождет лунатик, я думаю, он пока еще никому зла не причинил и вряд ли дальше на это пойдет. Давайте лучше Мишку Фирсова найдем.

– Это того, что у меня на учете состоит? – спросил я его. – Он ведь из ЛТП¹ месяц назад вернулся и на учете у меня состоит. Только он нам для какой надобности?

– Его, голубчика, вчера мой внештатник Федька Рубахин у винного магазина срисовал. Фирсов с Нинкой Кругловой, упокой Господь ее душу, вчера из винного магазина под ручку выходил. Она третьего дня пенсию получила, и талоны на водку у нее были.

Нужно заметить, что это было время «борьбы с пьянством и алкоголизмом», которую затеяла КПСС с легкой руки Егора Лигачева. Водку и вино продавали в районе, как и во всей Карелии, только по талонам, которые быстро превратились в суррогат самостоятельной валюты. Их обменивали, покупали, ими расплачивались за разные услуги. Наша агентура этим широко пользовалась. По просьбе начальника милиции местные власти нам талоны выдавали в требуемом количестве.

– Выяснилось, – продолжал Петраков, – что покойница у дворничихи Рулёвой обменяла талоны №3, это те, что на масло, на два водочных. Поэтому, полагаю, что с Мишкой она и собутельничала. Однако в котором часу он от нее ушел, никто не видел. Дома он не живет: то по знакомым, то по подвалам кантуется.

¹ ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. В СССР туда помещали злостных пьяниц.

– И как же он тогда на учете у тебя состоит? – повышая голос, грозно глянул на меня начальник милиции.

Ответил я ему как есть:

– Пока был Мишка в ЛТП, жена его выписала и прописала другого мужика. А на учет я его на всякий случай поставил. ЛТП ведь это не место отбытия наказания, а лечебное учреждение.

– Ага, лечебное, – буркнул начальник. Все заулыбались, зная, как на самом деле там обстоят дела.

– Ну, хоть какая-то ясность. Ищем Фирсова и сережки. Дочь Кругловой дала их точное описание. Этого «лунатика» тоже ищем. Полагаю, что не все женщины обращались в милицию с заявлениями, некоторые просто постеснялись. Поэтому поднимайте информацию по низам. Я полагаю, всем задача понятна. Следующее совещание завтра в десять. Каждый должен будет рассказать, что делал и каков результат.

Через три часа сыскари доставили Фирсова Михаила ко мне в кабинет. Было ему на вид лет около пятидесяти. В замурзанном сером пальто, с перегаром лука и вчерашней водки, он был явно напуган и руки у него тряслись. Зашел вслед за ними и Ванькин.

Начать разговор с бомжем пришлось мне.

– Рассказывай, любезный, как дошел ты до жизни такой, что делать теперь собираешься?

– Это вы про что, начальник?

– А про все. Почему по подвалам прячешься, зачем женщин пугаешь, за что ты добрую женщину Нинку к высшей мере приговорил. Что хотел дальше с сережками делать?

У Фирсова рот открылся, сам он побледнел, и его начала колотить крупная дрожь. Когда Ванькин дал ему стакан воды, то зубы у него громко стучали о стекло стакана, а потом он и вовсе разрыдался.

– Я так и думал, что все этим кончится. Отсидел два года в ЛТП, а теперь вы меня в тюрьму упрячете. За что мне судьба такая?

– Сам выбрал, пить надо было меньше. А убивать людей вообще нехорошо.

– Я не убивал, – забился опять в истерике с рыданиями бомж.

– Был ты у Кругловой вечером?

– Был, я и не отказываюсь.

– Пил с ней?

– Конечно, а зачем бы я к ней потащился. Я у магазина кантовался, а она сама выпить предложила. Какой же дурак откажется?

– А потом ее сережки тебе понравились, да она их отдавать не захотела. Ведь так?

– Что вы, начальник. Я об этом и не думал даже.

– Я понимаю, ты не хотел, а потом, когда ты вытащил у нее деньги, а она начала кричать, ты придушил ее полотенцем, чтобы соседи не услышали, и тихо смылся. Ты же не думал, что она умрет, ведь правда?

– Нет, я не думал.

– Ну, вот видишь, пиши признанку, и дело с концом. Ведь ты не только с ней пил, ты ее еще и изнасиловал.

– Нет, начальник. Все по доброй воле было. Я вообще бы ее не стал, вот когда у нас от литра еще стакан целый оставался, она сказала: «Сначала любовь, а потом еще выпьешь». Пришлось мне на нее забраться, да, видно, перестарался я.

– Как это?

– Я не душил ее. Она сама померла, когда я ее это, в общем, типа обслуживал, только захрипела и все. Я думал, что это от страсти, прислушался, а она не дышит. Я, конечно, сделал ноги.

– Вот какой ты непонятливый. Признайся лучше, облегчи душу.

– Нет, я не буду. Я так и знал, что на меня убийство повесите.

– А на кого мне прикажешь его вешать, если ты в дом зашел с живой женщиной, а ушел от мертвой, да еще и уши с собой прихватил.

– Какие уши? – У Фирсова непроизвольно исказилось лицо, которое выражало крайнее изумление.

– Обыкновенные. Чем ты их отрезал?

Задержанный вдруг закатил глаза и брякнулся навзничь с табуретки. Он начал биться в конвульсиях, и изо рта у него пошла пена.

– Ёшь твою вошь, – пробормотал участковый, – кажись, эпилептик.

Он бегом выскочил в дежурную часть:

– «Скорую» срочно! – Схватил графин с водой со стола и бросился обратно в кабинет. Вместе с Ванькиным и молодым опером Петюней мы начали втроем приводить Фирсова в чувство. Минут через десять приехала «Скорая», благо было недалеко и карета «Скорой помощи» оказалась не на вызовах.

Пожилая докторша «Скорой», в сопровождении фельдшера с сумкой, на которой был большой красный крест, вошла в кабинет, подозрительно поглядывая на нас.

– Это вы его отделали? Что с ним?

– Господь с вами, доктор! Похоже, что у него припадок.

– Разберемся, отойдите от света. Они начали хлопотать над злосчастным Фирсовым, потом всадили ему пару уколов, и вскоре он пришел в себя.

– Что с ним, доктор?

– По-моему, то же, что вы и думали, эпилептический припадок. Вы его по голове не били?

– Да Господь с вами, только два вопроса задать успели.

– Я бы его госпитализировала денька на три.

– Нет, не получится. Нам круглосуточную охрану выставлять придется. Он в убийстве подозревается, опять же у вас всех в отделении чесоткой заразит. Он в камере отдохнуть может?

– Да, пожалуй. Чаю бы ему горячего и поесть чего-нибудь. Учтите, мы ему успокаивающее и снотворное вкололи, он до утра все равно неадекватный будет. И хорошо бы за ним на всякий случай понаблюдать.

– Обеспечим, – пообещал я ей.

После кружки чая с куском черного хлеба, употребив их уже в камере на нарах, наш подопечный отключился напрочь. Мы его оставили в покое до утра.

Между тем по городу уже начали ползти слухи о маньяке, который бесчинствует в городе, насилюя девочек и женщин, отрезая у них уши и другие части тела на память. Все это, переходя от одного к другому рассказчику, обрастало новыми жуткими подробностями.

На совещании я доложил появившиеся факты начальнику. Тот велел сократить время на поиски виновных, поскольку ему уже звонили из исполкома и требовали маньяка обезвредить.

Утром, сразу после планерки, Фирсова привели ко мне в кабинет. Его уже не трясло, хотя он, сидя на табурете, все озирался и явно нас опасался. В это время позвонил телефон.

– Привет сыскарям, – узнал я голос Ефима Хейфеца.

– Привет, когда результаты вскрытия отдашь?

– Уже готовы, высылай гонца, прочитаешь – рухнешь.

– А что там такое?

– Не хочу кайф тебе портить, прочтешь сам.

Машина ГАИ немедленно помчалась к прозекторской, где с утра уже печатал свое заключение Фима.

Когда начальник КМ Васильев открыл этот бесценный документ, то захохотал и озвучил нам в нем написанное. Согласно заключению, у дамы была средняя степень опьянения, она имела длительный половой акт и умерла от закупорки сонной артерии оторвавшимся тромбом. Это обеспечило ей легкую и верную смерть. Анализ крови, взятый из соскобов на шею трупа и подушке, показал значительные изменения в крови, что позволяло сделать вывод: части ушных раковин были ампутированы через 1—2 часа после наступления смерти. Кадык, гортань и шейные позвонки были в норме, как и состояние легких, что говорило об отсутствии асфиксии. Имеющаяся синюшность кожных покровов на шее была от нанесенной краски, которая легко смывалась водно-спиртовым раствором. Скорее всего, это полинял от пота шарфа, который она днем носила на шее.

– Вот тебе и преступление века на сексуальной почве, совершенное садо-мазоманьяком, – подумал я.

После доклада начальнику тот сразу въехал, что дело не прокурорское, и дал указание нашей следачке Ерофеевой определиться с возбуждением уголовного дела без лишних проволочек. Она тут же фыркнула по поводу того, что хрен поймешь, по какой статье возбуждать, и посоветовала уголовке побыстрее найти того, кто уши у покойницы оттяпал. Короче, расслабляться было рано, о чем Васильев и сообщил своим сыскарям. Предметно опросив в деталях еще раз Фирсова, мы поняли, что к смерти гражданки Кругловой он, как и другие граждане, не имеет отношения. Акт половой у него с ней был, так он этого и не отрицает, а на изнасилование там явно ничего не тянет. Вроде бы его надо было отпускать. При этом ясно, что прокурор арестовку не подпишет, а где гарантии, что этот бомж не смоемся из города? Самое бы ему место было в камере. Надо было что-то делать. Тут меня осенило.

– Давай-ка сюда этого Донжуана, – сказал я Петюне, – и через пять минут уже излагал Васильеву свою идею.

Поинтересовавшись у Фирсова, как ему у нас в КВЗ ночевалось, и получив почти хвалебный ответ, предложил я следующий вариант. Он затевает скандал у пивного ларька, наряд ППС доставляет его в райотдел. Потом судья выписывает ему 10 суток за нарушение общественного порядка, и дело в шляпе. Фирсов получает на одну декаду теплый ночлег и регулярное питание, а у нас главный свидетель всегда под боком, в любую минуту можно что-то уточнить или провести следственное действие. Главный районный судья Виктор Павлович у нас был с пониманием. Мужчина в годах, поработал и в ментуре, и в прокуратуре, потом судьей его выбрали, да и на этом месте уже лет пятнадцать приговоры выносил. Тут, видя, что он нам нужен, Фирсов, однако, осмелел.

– Начальник, я согласен у ларька в чавку кому-нибудь зарядить, но поймите правильно, нет у меня причины рядом с ларьком ошиваться, если в кармане пусто. Опять же, где вы видели, чтобы судья декаду отсидки выписал без запаха алкоголя от нарушителя порядка? Ссудите на пару кружечек «Жигулевского».

Пришлось дать ему рубль из собственного кармана и выпроводить из отдела. Чего не сделаешь ради пользы дела?

Ровно в полдень машина с нарядом ППС во главе с Петюней выдвинулась к обозначенному ларьку. Нашего бомжа там не было. Дальнейшие поиски увенчались успехом. Машина к винному магазину подкатила вовремя. За его углом отбивался от двух мужиков Фирсов. У одного из них уже был разбит нос, а у Мишки заплывал синевой глаз. При посадке в машину Мишка вдруг начал сопротивляться и орать, что он за справедливость страдает. Однако Петюня его воплям не внял. Всех троих доставили в отдел и, наспех сочинив протокол с указанием всех художеств и заслуг, отвезли нашего подопечного в народный суд пред светлые очи Виктора Павловича. Десять суток он ему выписал как с куста. Остальные отделались штрафом.

К вечеру проспавшись, Мишка вдруг начал колотить в дверь и проситься на допрос. Пришлось Васильеву пойти ему навстречу, хотя время уже было позднее. Оказалось, что не зря я вернулся в отдел, когда все добрые люди после ужина мирно смотрели футбольный матч по телевизору. При этом выяснилось, что я совершил ошибку, выдав ему рубль, а не полтинник. Мишка понял, что у него не только на пиво хватает, а почти на портвейн. Забыв о нашем уговоре, он двинулся к винному магазину, тому самому, у которого познакомился с Кругловой, благо он был к ее дому самый ближний. Он быстро скорешился с одним мужичком, и они, взяв большую бутылку портвейна, раскатали ее из горлышка тут же за магазином. В это время, посетив магазин, а также сделав кое-какие покупки, из него вышла соседка покойницы Нинки Валька Смирнова, дама неопределенного возраста и без постоянного дохода. Жила она со старухой матерью на ее пенсию и время от времени приводила к себе мужичков, которые делились с ней, чем Бог послал. В этот раз она вышла из магазина в своем лучшем платье с выпивкой и закуской в сумке и под руку с Гешей Рябым, который обычно летом калымил на подсочке, а за зиму все пропивал. Однако не это было главное. Мишка Фирсов заметил в ее ушах золотые серьги с аметистами. Спутать было нельзя: это были Нинкины серьги. Он встал у этой парочки на пути и протянул руку к Валькиному лицу.

– Серьги, может, отдашь?

Та сначала поменялась в лице, но старалась держать фасон.

– С какого перепугу? Отвали.

– С такого, что не твои они. Ты их у Нинки вместе с ушами отхватила, а менты меня теперь за них прессуют. Гони быстро, я сказал.

Не очень поняв, о чем идет речь, но чувствуя, что из-за этого бомжа приятный вечер может накрыться медным тазом, Геша Рябой зарядил Мишке в ухо. Тот вlepил ему по сопатке так, что кровь потекла у Геши на свитер ручьем. Неожиданно Мишкин собутыльник выступил в потасовке на стороне Геши. Фирсову пришлось бы совсем худо, но подъехала машина с «пепсами» и опером Петюней, что и спасло его от полного избиения. Валька же время не теряла. Увидев подъезжающую патрульную машину, она рванула дворами к себе домой, прижимая

к тощей груди сумку, спасая закупленное. Михаил все это пытался разбитым ртом рассказать разозленному Петюне, а тот, не поняв, сунул его в отсек с решетками и привез в отдел. Услышав его сбивчивый рассказ, я тут же направил машину вохра по Валькиному адресу. Дома ее не было. Тогда я позвонил Петюне домой и посоветовал ему заняться розыском Вальки и сережек, поскольку у него не хватило сообразительности выслушать Михаила Фирсова на месте.

Утром Валентина Смирнова уже давала показания лейтенанту Ерофеевой. Все встало на свои места. В возбуждении уголовного дела было отказано за деятельным раскаяньем похитительницы сережек. Нашлись и портновские ножницы, которыми она отхватила уши мертвой подруге, позарившись на сережки и, поняв, что полсотни рублей, взятых Кругловой месяц назад у нее в заем, она теперь вряд ли получит. На поминках, вспоминая о покойнице, Валька сказала речь и пожелала собравшимся: «Чтоб мы все так кончили».

Через три дня камеры с задержанными пришел проверять старый прокурор района Николай Михайлович. Воззрившись на Фирсова, он поинтересовался, по какой причине тот на нарах парится, ведь к смерти Кругловой он отношения не имеет. Он рассказал все в подробностях ласковому старичку. Мишку прокурор велел выпустить, так как, по его мнению, пьянку и драку у магазина, во время которой был тот задержан, спровоцировала милиция. Затем Николай Михайлович, потирая руки, накропал на имя нашего генерала милиции представление о нарушении законности в райотделе. С легкой его руки этот эпизод, с выданным мной рублем бомжу на пиво для совершения последующих хулиганских действий, вошел в анналы изощренных видов милицейских нарушений, коллекционируемых прокуратурой. План по нарушениям прокурором был выполнен, и свой след в истории борьбы с ними оставил и я. За все хорошее пришел мне в приказе по МВД строгий выговор.

«Лунного маньяка» поймали через месяц. Им оказался двадцатипятилетний таджик, хороший рабочий – путеец и народный дружинник. Эксгибиционизму он стал подвержен еще в армии. Как человек, воспитанный в восточном духе, он стеснялся подойти и запросто познакомиться с женщиной, вот и все беды его были оттуда. Уголовного дела в отношении него также решили не возбуждать. Фактически заявители особых претензий не имели. Выписали ему штраф за мелкое хулиганство и, взяв обещание, что это не повторится, отпустили восвояси. Еще через месяц он женился на даме старше его лет на шесть. Избранницей его стала та самая женщина, которая и дала ему «лунное» прозвище. Они познакомились в ходе опознания и получения с них объяснений.

Вот так и закончилась жуткая история о сексуальном маньяке-душителе, который в районном центре лунными ночами убивал женщин, а потом, глумясь над трупами, отрезал жертвам уши, а легенды об этом ходили еще по северным районам долго».

Петрозаводск, 2012—2013

Выстрел в упор

Убийство посреди бела дня

Оглушительный выстрел в квартире номер 3, что была на первом этаже десятиэтажного дома по ул. Пограничников, раздался как гром среди ясного дня. С подоконника кухонного окна слетела стайка сизарей, которая привыкла там кормиться. Рыжий кот по кличке Клотц предпочел со скамейки, где он принимал солнечные ванны, убраться в кусты. Пенсионерка Ярцева, что жила в этом же подъезде на пятом этаже, в этот момент успела спуститься только

до третьего. От оглушительного грохота, такого, что зазвенели окна в подъезде, а у нее в ушах заложило, она вздрогнула и уронила помойное ведро, которое с грохотом катилось вниз до следующего пролета.

Пока Ярцева собирала в ведро то, что вывалилось из него в ходе падения, запах от сгоревшего пороха, который очень напоминал аромат тухлого яйца, достиг ее чутких ноздрей. «Вот сорванцы, – подумала она, – ну не Новый год же сейчас. Опять Витька из 10 квартиры с друзьями самодельную петарду взорвали».

Спустившись вниз, она остановилась возле квартиры, дверь которой была настежь открыта. Пороховой дым сквозняком вытягивало оттуда, и сизое облако, вытянувшись, поднималось вверх по подъезду. Услышав какие-то неясные звуки, Екатерина Ярцева осторожно шагнула в квартиру.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – громко спросила она, но никто не ответил.

Потом она услышала опять что-то неясное. Звуки не были ни на что похожи. Сделав на цыпочках два шага по коридору, она заглянула в открытую дверь, ту, что была справа от нее и вела на кухню. Увиденное настолько потрясло ее, что она, сначала громко охнув, потеряла дар речи.

На полу кухни, рядом со столом, на правом боку лежал хозяин квартиры Виктор Протасов. Рядом с ним было ружье, а в центре груди на белой футболке была страшная дыра, из которой толчками, с хлюпающим звуком вытекала кровь. Крови было много, красная лужа потихоньку расплзалась по линолеуму и уже почти достигла стоптанных туфель Ярцевой. Вдруг Протасов открыл глаза, пытаясь сосредоточить взгляд на стоявшей у порога кухни Екатерине.

– Витя, что случилось, кто тебя так? – испуганно спросила она лежавшего в крови соседа, боясь шагнуть в кухню.

Зрачки синих глаз скорчившегося хозяина были расширены от боли так, что казались черными. Губы его начали дрожать. Он, очевидно не в силах уже делать какие-либо движения, начал открывать рот, пытаясь издать какие-то звуки. Боясь не понять его, соседка переспросила:

– Что Витя? Что?

– За что? – прохрипел раненый, потом через долгую паузу выдавил сквозь хрип и хлюпанье в груди: – ... Я любил их.

С трудом удалось уловить Ярцевой эти слова умирающего соседа. Он закрыл глаза и больше на ее окрики не реагировал. Сообразив наконец, что нужно же что-то делать, пенсионерка с ведром в руке, которое она вообще-то собиралась опорожнить в мусорный бак, резво выскочила на улицу.

Подъездная дверь была открыта и даже подперта камушком. Так часто делали и она сама, и другие пенсионерки в хорошую погоду для лучшего проветривания подъезда. Не зная толком, что же делать, она шустро побежала по двору, насколько позволял ей семидесятидвухлетний возраст и стоптанные, надетые на босу ногу туфли. Она бежала, колыхаясь всем телом, с ведром в руке, вдоль дома в сторону улицы и бессмысленно кричала:

– А-а-а!

– А ну стой! Чего орешь? – дохнул на нее перегаром Яша по кличке Голливуд, выйдя из-за куста. Ярцева шархнула от такой неожиданности, как лошадь от трамвая, но потом, вцепившись в замусоленный пиджак алкоголика, запричитала скороговоркой:

– Там Витя Протасов у себя дома застреленный лежит. Яшенька, бежи скорее, позови кого-нибудь, пока он не умер.

– В натуре, что ли? Ты в «Скорую» звонила? Что с ним?

– У него дыра в груди, а кровища по полу течет. Он ведь помереть может, а у меня телефона нет.

– Деньги давай, щас позвоню. Тут телефон-автомат за углом.

– Так в «Скорую» же бесплатно.

– Ага. Я щас все брошу и побегу. Ты заплати сначала, а то сама беги.

– Яшенька, побойся Бога. Откуда деньги-то у меня? Я, вон, ведро выносить пошла, а тут такое дело...

– Ай, принесла тебя нелегкая, рупь должна будешь. Какая у него квартира?

– Вроде третья.

Яша, быстро перебирая ногами, удалился из вида, а Екатерина вздохнула с облегчением, что эта тяжелая обязанность, связанная с происшествием, теперь как бы с нее перешла на этого алкоголика. Она, уже не торопясь, наконец дошла до мусорных баков и, освободив ведро от своей пахнущей ноши, направилась к своему подъезду. Противоречивые чувства раздирали пенсионерку. С одной стороны, она была обладателем такой новости, о которой во всем городе никто еще не знал. А с другой стороны, ее хитрый старушечий ум, умудренный жизненным опытом, подсказывал, что ничего хорошего от этой новости ей не отломится. Лучше уж ей держать язык за зубами, а то по милициям и судам затаскают. В этот момент мимо нее под вой включенной сирены проехала белая машина с красной надписью Ambulance на капоте. Это реанимационная бригада спешила в третью квартиру ее дома. Остановившись у подъезда передохнуть, она могла наблюдать, как люди в белых халатах вбежали в подъезд, таща с собой сумки с красными крестами и какие-то приборы. Потом, через несколько минут, так же скоро все выскочили обратно к машине, выдернули носилки, а потом эти носилки, уже с Виктором Протасовым на них, шустро задвинули в заднюю дверь фургончика. Под вой сирены и блеск маячков машина «Скорой» покинула двор.

Садясь в машину, водитель кареты «Скорой помощи», вдруг заметив Ярцеву у подъезда, сказал:

– В квартиру не заходите и до приезда милиции ничего не трогайте.

Теперь была уже другая ситуация. Ярцева почувствовала себя лицом, облеченным полномочиями, и заняла пост у двери в квартиру Протасовых. Всем входящим в подъезд и выходящим из него она, выпятив подбородок, сообщала, что Витю Протасова «увезли застрелённого на „Скорой помощи“», а ей велели квартиру охранять. Во дворе потихоньку начала собираться толпа жильцов и зевак.

Расследование начинается

Звонок в дежурной части горотдела раздался после обеда в половине третьего. Звонили со станции «Скорой помощи». Бесстрастный голос диспетчера «Скорой» диктовал текст сводки: «Сегодня в четырнадцать часов семнадцать минут реанимационной бригадой „Скорой помощи“ в городскую больницу с огнестрельным дробовым ранением в область груди доставлен гражданин Протасов Виктор Федорович, 36 полных лет, проживающий в квартире 3 дома 24 по улице Пограничников. Протасов скончался до начала операции от потери крови, не приходя в сознание».

«Ни хрена себе! – подумал дежурный по горотделу капитан Хлебников. – Вот не было печали, а день был такой хороший. Погоди, не вешай трубку, – попросил он диспетчера. – Что за огнестрел, из какого оружия, кто стрелял? Кто вызывал, кто выезжал на вызов? Давай по порядку.»

– Выезжала бригада Зелимбекова, сейчас они снова на выезде.

– А еще-то что случилось?

– Поражение рабочего электротоком на стройке.

– Господи, что за день такой несчастливый! Ладно, давай по огнестрелу поподробнее...

– Водитель машины «Скорой помощи» сообщил, что выстрел из охотничьего ружья был сделан в упор. Положение тела он очертил мелом. Потерпевший был без сознания и ничего сказать не мог, но похоже, что это самострел.

– Понял. Отключаюсь. Еще что-то будет – звони сразу.

Немного подправив текст сообщения, капитан снял трубку прямого телефона к начальнику горотдела.

– Товарищ майор, у нас огнестрел в городе, разрешите доложить лично?

– Давай сюда.

Дежурный побежал к начальнику горотдела с докладом, на ходу застегивая пуговицы на мундире.

В кабинете начальника сидело двое. За двухтумбовым столом начальника, как ему и положено, был майор милиции Биглов, в кресле справа от него – начальник КМ² Васильев. Оба были мрачнее тучи. Их мог сейчас понять только тот, кто когда-нибудь отвечал в милиции за раскрываемость.

День начался плохо. Районный прокурор Гудрюков из девяти отказных материалов, оформленных горотделом за месяц, возбудил пять дел, а два отправил на доработку. Взаимоотношения двух ведомств, а точнее, их двух начальников, в этом городе как-то не заладились. Поговаривали, что у его дочери был жених милиционер, который перед самой свадьбой женился на медсестричке из соседнего района. Так это было или нет, сказать трудно, однако милицию прокурор откровенно не любил, что не могло не сказаться на взаимодействии служб. Однако верх тут был прокурорский, поскольку проверять законность действий милиции входило в их обязанность, а вот наоборот – нет. Сегодня, когда прокурор с ехидной улыбкой зашел в кабинет и объявил о результатах своей проверки, то Васильев аж зубами от злости скрипнул.

– Николай Михайлович, зачем вы это сделали? Через две недели вы же опять эти возбужденные вами дела в отказники переведете. Не надоело в вашем возрасте в бирюльки играть? Лучше бы рыбалкой, что ли, занялись.

– Жене своей советовать будешь. Если и переведу, так имею на то право. Вот когда тебя послезавтра за низкую раскрываемость взгреют в столице на совещании, тогда научишься прокуроров любить и вежливо с ними разговаривать.

² КМ – криминальная милиция.

Когда городской прокурор вышел, Васильев плюнул на пол от досады.

– Вот про таких, как он, воистину говорят «не к ночи будь помянут».

– Да уж, – мрачно согласился с ним Биглов, прикидывая, что за низкую раскрываемость теперь взгреют не только начальника уголовного розыска, но, видимо, и его самого. Возбужденные прокурором «отказники» при невысоком массиве уголовных дел опустили показатели горотдела, как стало модно говорить, «ниже плинтуса». Похоже, что очередное звание, которое должны были присвоить начальнику городской милиции с полгода назад, в очередной раз отложат, пока выговор не снимут. Все это настроения Биглову не подымало.

Выслушав короткий доклад дежурного, майор буркнул ему, поднимаясь со стула и надевая фуражку:

– Найди и отправь по этому адресу участкового, да еще пару оперов тоже туда отправь. Васильев, со мной в машину, за руль, да закинь в машину следственную сумку, я к следователям на секунду загляну.

В данный момент на месте из следователей была одна – старший лейтенант Марина Воронова. Она что-то печатала на машинке и подняла на начальника взгляд внимательных, красиво подведенных серых глаз.

– Что случилось, Владимир Иванович?

– Труп тут рядом образовался по причине огнестрельного ранения. Не желаете со мной на место происшествия прокатиться?

– Это по какой же такой надобности? – спокойно, скрестив руки на груди и откинувшись в кресле, спросила она.

– Так ведь труп.

– Эка важность, что я, трупов не видала?

– Послушайте, Марина Ивановна, помилуй Бог, но вы следователь или кто?

– Хороший вопрос. Отвечаю: я следователь, старший лейтенант милиции Воронова Марина Ивановна. Теперь мой вопрос. Что вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы выехали со мной на место происшествия, там огнестрел все-таки, а не синяк под глазом, – начал кипятиться начальник.

– Позвольте полюбопытствовать, и кто же его так?

– Похоже, что сам себя.

– Отвечаю: на место происшествия я с вами не поеду.

– Как это «не поеду»?

– Да очень просто. Дел в производстве много. Как вы помните, я в этом месяце уже три дела в суд направила, да три еще на выходе. Так что не мешайте работать.

– А кто же на труп поедет?

– Владимир Иванович, извините, но процессуалист вы аховый. Если там самострел – значит, участковый справится, а если убийство, так это дело прокурорское, они должны поляну отрабатывать. Что-то надоело мне для них жареные каштаны из углей вытаскивать. Есть такое понятие – подследственность.

Мало Гудрюков Николай Михайлович уму-разуму вас учит, – пробормотала она уже вслед начальнику, хлопнувшему за собой дверь.

Заметив мрачный вид майора, который проходил мимо дежурной части, капитан Хлебников спросил:

– Что еще, Владимир Иванович?

– Прокурорским позвони, пусть дежурный следователь подойдет на место происшествия.

Он, выйдя во двор, сел в машину, и Васильев газанул с места так, что щебенка вылетела из-под колес.

Кто же главный?

Машина подлетела к дому через четыре минуты, вряд ли больше, благо ехать было недалеко. Возле подъезда уже стояла разношерстная толпа человек в пятнадцать, состоящая в основном из пенсионеров и домохозяек. В подъезде у самой двери в третью квартиру стояла, подбоченившись, Ярцева, а рядом толклись два каких-то бомжа и соседка из первой квартиры. Рядом с ними стоял участковый Георгий Пенкин.

– Ну, что здесь? – спросил Биглов.

– Место сохранили, – сказал участковый, приложив руку к козырьку фуражки, – так что обстановка не нарушена, осмотр можно проводить.

– Значит так, Пенкин, выясни, кто что видел или слышал, запиши данные, а остальных отсюда убери. А то торчат тут личности непонятные, работать мешают.

– Вы что здесь делаете? – строго спросил участковый стоявших в коридоре людей. – А ну, давайте отсюда, не накапливайтесь.

– Я тут дверь, между прочим, охраняла, – обиженно сказала Ярцева.

– Спасибо вам, а теперь по домам.

Поджав губу и поглядывая на участкового, Екатерина медленно начала подниматься по лестнице, а остальные предпочли обратиться из подъезда самостоятельно.

Начальник горотдела и Васильев вошли в квартиру.

– Сколько человек в квартире проживает и где они сейчас? – спросил Биглов участкового. В это время в дверях появился невысокий молодой человек с фотоаппаратом на груди. Это был недавно прибывший в прокуратуру и назначенный помощником следователя Валерий Дондуков. Он решительно раздвинул плечом сотрудников милиции и прошел вперед.

– Что здесь происходит? – строго спросил он.

– Здравствуйте, Валерий Павлович. Сами видите, пока только собираемся осматривать место происшествия.

– Кто это собирается? – спросил прокурорский работник, медленно краснея. Будучи очень невысокого роста, он, как большинство коротышек, был болезненно самолюбив.

– Вообще-то это мы собирались, – начиная хмуриться и не понимая причины его недовольства, буркнул Биглов.

В этот момент подошли два молодых опера из уголовки горотдела. Биглов, заметив их, обратился к Васильеву:

– Ребятам задачу поставьте, чтоб зря не стояли.

Тут Дондукова вдруг прорвало.

– Как вы смеете? – срывающимся голосом на повышенных нотах обратился он к майору. – Вы что, не знаете, кто является главным процессуальным лицом на месте происшествия? Здесь только я могу отдавать указания по делу. Чувствовалась в его словах школа прокурора Гудрюкова, который никогда не упускал случая поставить «ментов» на место.

Правда, ни знаниями, ни опытом своего начальника Дондуков не обладал, а вот амбиций ему было не занимать.

У Биглова бешенство начало зарождаться где-то в мозжечке и постепенно стало овладевать всем существом. Он знал у себя это состояние и даже сам боялся его.

«Спокойно, только спокойно», – молча начал он себя уговаривать, чтобы не сорваться на оскорбления. После небольшой паузы он выдал:

– Да никто на вашу процессуальную самостоятельность не посягает. Вы мне лучше ответьте, я и мои люди вам здесь не нужны?

– Не мешайте мне работать! – в прежнем тоне отозвался Валерий Павлович, щелкнув фотоаппаратом, нацеленным внутрь кухни.

– Я понял вас. Честь имею.

Откозыряв и повернувшись на каблуках на сто восемьдесят градусов, Биглов вышел из квартиры на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.